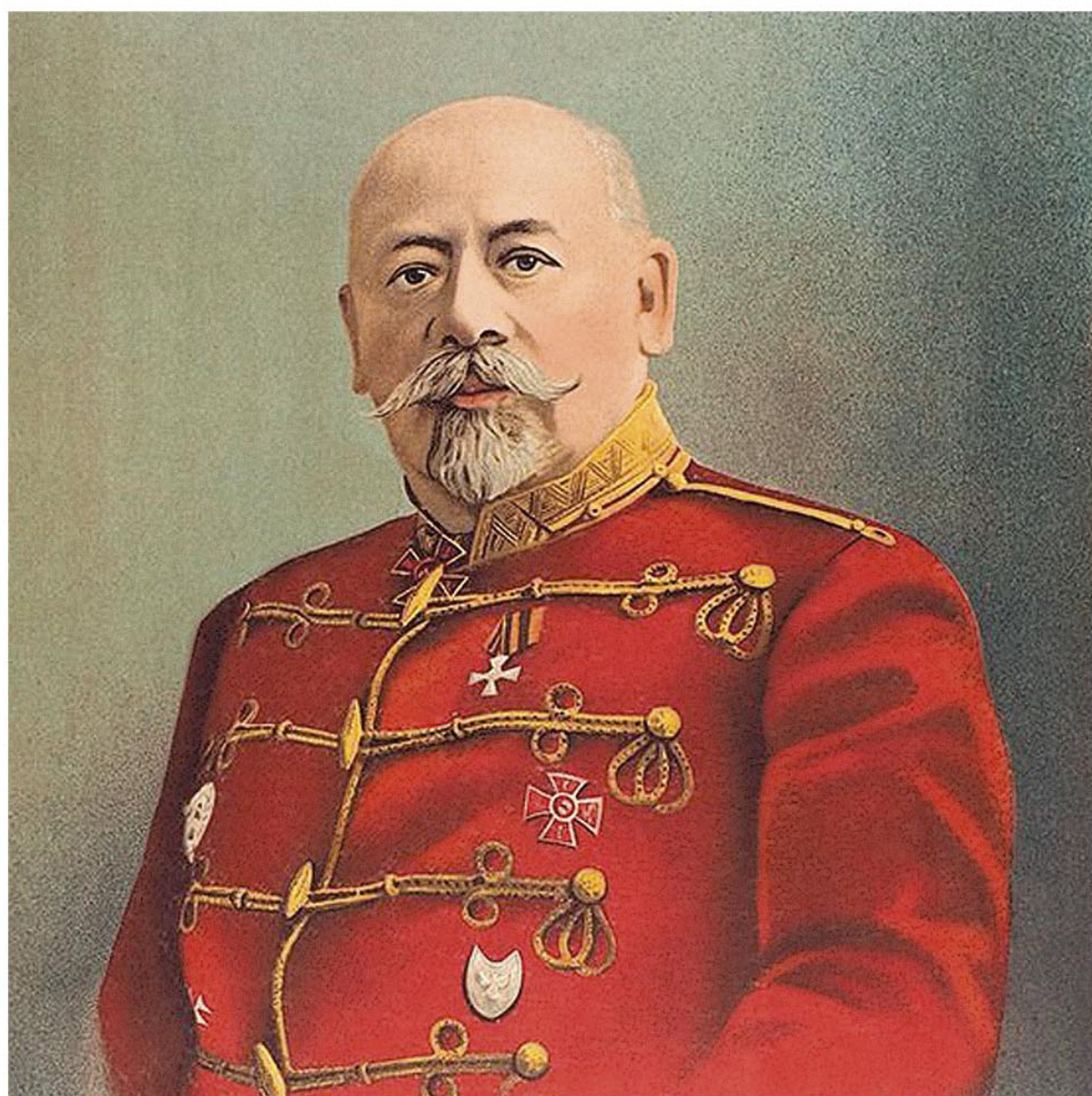

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Е.В. БЕЙ

ГЕНЕРАЛ В.А. СУХОМЛИНОВ

Военный министр
эпохи Великой войны

Новейшие исследования по истории России

Евгений Бей

**Генерал В.А. Сухомлинов.
Военный министр
эпохи Великой войны**

«Центрполиграф»

2021

УДК 94(470)1848/1926
ББК 63.3(2)53

Бей Е. В.

Генерал В.А. Сухомлинов. Военный министр эпохи Великой войны / Е. В. Бей — «Центрполиграф», 2021 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-09301-1

В книге военного историка Е.В. Бея, подготовленной на широком архивном и мемуарном материале, представлена биография одной из противоречивых фигур отечественной военной истории — военного министра Российской империи генерала от кавалерии генерал-адъютанта Владимира Александровича Сухомлинова. Исследование охватывает время его детства и юности, становления как российского военного и государственного деятеля в период царствования Александра III и взлет карьеры во время правления Николая II. На фоне личного портрета автором рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся реформирования вооруженных сил России и их подготовке к Великой войне. Отражены основные причины военных неудач, а также условия, при которых разразился кризис военного снабжения, так называемый «снарядный голод» в первые годы противостояния. Особое внимание в работе уделено событиям, повлиявшим на падение военного министра В.А. Сухомлинова, превратившегося в глазах общественности в символ коррупции и измены в высших эшелонах власти. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(470)1848/1926
ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-227-09301-1

© Бей Е. В., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Введение	7
Глава 1	12
Детство и юность	12
Боевое крещение	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Евгений Бей
Генерал В.А. Сухомлинов. Военный
министр эпохи Великой войны

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

© Бей Е.В., 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

Введение

История будет судить Сухомлинова, ибо прошел он слишком заметным путем. Суд этот будет строгий...
Генерал Сухомлинов¹

Долгое время исторические исследования были отгорожены от реального прошлого частоклоном запретных имен и закрытых тем. Трафарет разрешенных к обнародованию фактов, насаждавшийся в массовых советских изданиях, по сути дела, привел к искажению в освещении многих важнейших проблем отечественной истории.

Реалии современной исторической науки, характеризующейся высокой степенью открытости и свободы научного познания, позволяют ученым не ограничиваться показом внешней стороны процесса, не абстрагироваться от глубинных основ человеческого содержания, учитывать личностный фактор и другие специфические обстоятельства, воздействующие на историю страны.

Разумеется, вне политики никому из историков остаться не удастся – на смену одной идеологической обстановке приходит другая, и это нельзя не учитывать. Но общество в целом нуждается в объективном знании, не зависящем от законов политической конъюнктуры.

Автор данной работы поставил перед собой непростую задачу исследования противоречивой фигуры военного министра Российской империи – генерала от кавалерии и генерал-адъютанта Владимира Александровича Сухомлинова. Его военная и государственно-административная деятельность всегда проходила на острие как внутренних, так и внешнеполитических событий. За свою долгую службу он достойно прошел путь от юнкера до опытного военачальника. Однако падение Сухомлинова в 1915 г. было стремительным и громким. Полное бесславие стало уделом его последних лет после блестящей карьеры. Уже тогда мнения и оценки по вопросам «сухомлиновского наследия», а также восприятие его талантов и деловых качеств современниками расходились в диаметрально противоположные стороны.

Показательную характеристику рассматриваемого нами героя дает 2-е издание Большой советской энциклопедии (БСЭ):

«Владимир Александрович Сухомлинов (1848–1926), генерал-адъютант, с 1909 по 1915 – военный министр царского правительства, один из представителей реакционной и продажной клики, окружавшей последнего русского самодержца... С. занимал ряд штабных и командных должностей, в 1904 был назначен командующим войсками Киевского военного округа, в 1905 – также киевским, подольским и волынским генерал-губернатором, в 1908 – начальником Генерального штаба, в марте 1909 – военным министром. Еще во время пребывания С. в Киеве германо-австрийская разведка, завербовавшая в число своих агентов жену С. (по первому мужу – Бутович) и др. лиц из окружения С., начала опутывать С. густой сетью шпионажа. После переезда С. в Петербург вокруг С. образовалась целая группа немецких шпионов и предателей родины.

Получив от Николая II чрезвычайно широкие полномочия в качестве руководителя военного ведомства, С. использовал свое положение и связи для того, чтобы выполнять задание немецкой разведки – ослаблять обороноспособность России, срывать снабжение русской армии.

Преступная деятельность С. и его пособников явилась одной из основных причин, по которым в конце 1914 и в 1915 русская армия, ощущавшая острый недостаток в пушках, вин-

---

¹ Последние новости. Париж. 4 февраля 1926 г.

товках, снарядах, патронах, обуви и др. видах снабжения, вынуждена была отступать под натиском технически лучше оснащенных немецких войск. 11/VI 1915, под давлением общественного мнения и союзнических кругов, С. был уволен с поста военного министра. Лишь 21/IV 1916, в связи с возраставшим недовольством широких армейских кругов, царское правительство пошло на арест С., и он был заключен в Петропавловскую крепость. Вскоре, однако, по настоянию Распутина и связанной с немцами царицы, С. был переведен под домашний арест. Во время Февральской буржуазно-демократич. революции 1917 С. был арестован восставшим народом. В августе – сентябре 1917 состоялось судебное разбирательство дела С., 12/IX он был приговорен к пожизненной каторге, но в 1918 при содействии немецких агентов бежал за границу»¹.

Обвинения самые тягчайшие. Не говоря о том, что генерал, обвиненный в шпионаже, само по себе редкое явление в истории, шпион – военный министр, да еще в годы войны, вообще беспрецедентный случай, не укладывающийся в голову. Но тогда парадокс выглядел правдоподобно. Происходившие в российском обществе процессы отражали в себе совершенно иную «культуру поиска предателей»: уже в ходе катастрофического отступления 1915 г. ненависть нижних чинов к офицерам и имперским должностным лицам не знала границ; укреплялось убеждение в том, что все высокопоставленные чиновники и их окружение, включая военного министра Сухомлинова и даже саму императрицу, симпатизируют Германии; распространялась и в первую очередь среди ключевых фигур Государственной думы идея о том, что некомпетентный и преступный режим предает национальные интересы России и тянет страну в пропасть².

Известно, что периоды глубоких социальных и политических потрясений усиливают роль персонификации в политике. Так называемый «личностный фактор» в истории становится необычайно значимым. Существует немало случаев, когда образ государственного деятеля – положительный или отрицательный – становится важнейшим политическим знаком, ключевым элементом политической жизни страны³. Частным явлением подобного процесса и стало превращение генерала Сухомлинова в главного виновника «Великого отступления» русской армии в 1915 г., в представителя «продажной клики» и «агента германской разведки». В данном случае вопрос персональной ответственности был настолько острым, что мог привести к кризису существовавшей власти, поэтому даже один из таких основополагающих принципов уголовного судопроизводства, как презумпция невиновности, оказался лишь фикцией.

Со временем теории о предательстве и единоличной виновности Сухомлинова в совокупности с крайне негативными оценками его деятельности стали своего рода парадигмой для дальнейших исследований. У ученых доперестроечных лет не нашлось, да и не могло найтись добрых слов о царском министре и его реформах, мало кто из них не «вытер ноги» об опального генерала.

К непосредственным биографам военного министра следует отнести двух авторов: это Василий Думбадзе с книгой «Генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов»⁴ и Владимир Апушкин с очерком «Генерал от поражений В.А. Сухомлинов»⁵. И хотя по историческим меркам эти работы вышли с незначительным разрывом, они абсолютно антагонистичны по содержанию, не говоря уже о том, что относятся к разным эпохам и государствам.

Василий Давидович Думбадзе получил высшее образование в Германии, где окончил университет в Лейпциге. Он удачно втерся в высшее петербургское общество, объявив себя племянником И.А. Думбадзе – генерал-губернатора Ялты. Для того чтобы один из железнодорожных путей прошел через земли, которыми владел Думбадзе, предприимчивый грузин попытался улестить Сухомлинова, предложив свои услуги в написании биографии министра. Интуиция его не подвела: вскоре после начала войны Сухомлинов передал своему будущему

биографу необходимые материалы, в том числе пакет, озаглавленный как «Перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 г. по 20 февраля 1914 г.» – секретный отчет, составленный Генеральным штабом под руководством военного министра. В этих документах содержалось подробнейшее описание военных реформ в сухопутной армии, однако Сухомлинов считал, что эти секреты с началом военных действий утратили свою ценность. Когда рукопись, заключавшая в себе некоторые, почерпнутые из указанного выше перечня, «секретные по заявлению и[справляющего] д[олжность] начальника Генерального штаба генерала от инфантерии Беляева, поступила в военную цензуру, и военный цензор, затруднившись пропустить это издание, испросил указаний военного министра, то генерал-адъютант Сухомлинов заявил, что с биографией он знаком и препятствий к выпуску ее в свет не встречает»⁶.

В декабре 1914 г. работа была закончена, и месяц спустя книга вышла из печати. Английское правительство, желая вдохнуть в своих подданных уверенность в военном искусстве и доблести русских союзников, оплатило перевод и публикацию книги в Великобритании⁷.

Как и можно было предположить, биография явилась панегириком военному министру в то время, когда голоса его противников и обвинения в его адрес звучали все сильнее. «Ни для кого в настоящее время не новость, – писал Думбадзе, – что Россия ни в одну войну, которую ей приходилось до сих пор вести, не находилась на такой степени подготовки, как в настоящую войну с Германией». И эффектно заканчивал свое повествование: «...эта великая война России навсегда будет связана с именем Военного Министра России, генерал-адъютанта Владимира Александровича Сухомлинова». Как ни крути, а слова автора оказались бы пророческими при любом исходе войны для страны. Так оно и случилось в дальнейшем.

Интересным и несколько загадочным фактом является отправка Василия Думбадзе в Германию в роли специального агента. Исследованиями известного историка К.Ф. Шацилло документально установлено, что с 24 мая по 11 июня 1915 г. Думбадзе по ходатайству военного министра и с согласия Николая II находился в командировке в Берлине. «Узнайте, насколько там трудно стало, какое настроение», – осторожно объяснял позднее цель командировки В.А. Сухомлинов во время суда над ним летом 1917 г. Посланник встречался и вел переговоры с видными представителями германских правящих кругов, о чем по возвращении доложил рапортом начальнику Главного управления Генерального штаба генералу М.А. Беляеву⁸.

Позднее Думбадзе в связи с делом генерала Сухомлинова попал под волну шпиономании и был приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторги. Странное обвинение сводилось к тому, что, уезжая в Германию, эмиссар «мог захватить с собой» полученный от Сухомлинова «Перечень важнейших мероприятий военного ведомства». Несмотря на то что никто не мог доказать, будто В.Д. Думбадзе действительно передал немцам эти материалы, большая часть которых была транспарентна и использована в биографии Сухомлинова в России и за рубежом⁹. Думбадзе был освобожден правительством А.Ф. Керенского и эмигрировал в США, где скончался в Нью-Йорке в 1950 г.

В 1925 г. уже в советской России вышла книга военного юриста и писателя Владимира Александровича Апушкина. В 1888 г. он окончил 2-е Константиновское военное училище, а в дальнейшем и Александровскую военно-юридическую академию по 1-му разряду. До революции занимал различные должности в Главном военно-судном управлении, дослужившись до генеральских чинов (в 1917 г. был произведен в генерал-лейтенанты с последующим увольнением)¹⁰. После Февральской революции Временное правительство назначило Апушкина главным военным прокурором, а через два дня его избрали членом Чрезвычайной следственной комиссии¹¹: «Большого участия в деятельности Комиссии не принимал; сначала много и с пафосом говорил о завоеваниях революции, о революционном самосознании, но потом как-то осел и стушевался»¹². Как член ЧСК Апушкин специально занимался военным отделом –

работал с массой секретных документов, присутствовал при следственных действиях, а также лично и неоднократно допрашивал бывшего военного министра¹³.

В середине 1920-х гг. В.А. Апушкин работал на кафедре военных наук Военно-политической академии РККА, в должности секретаря Предметной комиссии стратегии, истории войн и военного искусства. Тогда-то из-под его пера и вышел внушительный обвинительный очерк «Генерал от поражений». Очерк без права оправдания, где «имя Сухомлинов – неразрывно связано в истории с несчастьями, пережитыми Россией в Мировой войне, и с последней стадией царизма, типичной фигурой слуги которого он был». Основой для работы послужили: «Обвинительный акт об отставном генерале от кавалерии В.А. Сухомлинове и жене его Е.В. Сухомлиновой», отчеты газет о судебном процессе, дневники и письма генерала, а также личные воспоминания и впечатления автора. Правда, не забыл биограф упомянуть и о положительной стороне деятельности бывшего царского нотабля, что выразилось в книге практически одной фразой: «Сухомлинову, действительно, удалось осуществить некоторые реформы в области организации, вооружения, мобилизации и т. д., но главный, застарелый недуг русской армии – дурное управление войсками – остался неизлечим»¹⁴.

В 1930 г. Владимир Апушкин подвергся репрессиям и был выслан в Вологду, где спустя семь лет умер в заключении¹⁵.

Разумеется, что остаться вне законов политической конъюнктуры никому из авторов не удалось. Обе рассматриваемые нами работы далеки от объективности по своему содержанию, но в любом случае представляют собой документальную ценность и непреходящий исторический интерес.

В течение века о Сухомлинове писали, как правило, в разоблачительно-негодующем духе. В современных военно-исторических кругах даже ходит такое полусерьезное-полушуточное выражение под названием «эффект Сухомлинова». Он постулируется следующим образом: в военном конфликте в большинстве случаев проигрывает та сторона, которая в предвоенное время имела более шикарную и вычурную военную форму¹⁶.

В то же время необходимо отметить, что в ряде исследований последних лет, посвященных истории русской армии, образ этого человека рисуется в нейтральном и даже благожелательном освещении. Во многом это связано с переоценкой русского генералитета времен Первой мировой войны. Историки отошли от характеристики высшего командного состава по конечным результатам его деятельности – военных поражений, разложения армии и крушения государства, приняв во внимание, что этот результат нельзя ставить в вину исключительно командованию армии и Военному министерству. Генералы предстают профессионалами в своем деле, не просто разбавившимися в политике, но и способными на тонкую политическую игру¹⁷. В этой связи историк и политолог А.И. Уткин обратил внимание на то, что во главе русской армии, в отличие от большинства других армий того времени, стояли не генералы-аристократы, а специалисты. Значительный прогресс в развитии вооруженных сил, который совершила Россия в период между Русско-японской и Первой мировой войнами, состоялся во многом благодаря военному министру В.А. Сухомлинову, которого он назвал вождем «простолюдинской» фракции российского генералитета¹⁸. И с этим трудно не согласиться. «Он... не родовитого дворянства, не княжеского или графского рода, мелкий незначительный дворянин, он на девять десятых обязан самому себе, своим способностям, усидчивости, прилежанию, энергии и настойчивости тем, что в конце концов дошел до самых верхушек бюрократической лестницы, стал военным министром величайшего в мире государства», – отмечал в своей вступительной статье В.И. Невский к первому изданию мемуаров генерала в Советском Союзе¹⁹.

Образ этого человека в отечественной и зарубежной историографии воссоздан столь противоречиво, что нашим современникам до сих пор трудно осознать истинный масштаб его

устремлений, проектов и свершений. Кроме того, много неясностей и белых пятен в различных периодах его жизни остается даже для посвященных людей. Изучение персонифицированных образов делает в этом направлении шаг вперед, давая возможность лучше понять действительную роль государственных и политических деятелей, позволяя деконструировать исторические мифы, неизбежно возникающие со временем. В свою очередь, мы старались избегать привычных штампов, а также слишком категоричных личных оценок и чересчур обстоятельной аналитики различных аспектов деятельности военного министра, предоставляя для этого слово знаменитым и почти безвестным деятелям рассматриваемой эпохи. Пора, наконец, отказаться от предвзятости, которая превращает биографические труды в подобие обвинительных заключений, и попытаться найти более сбалансированный подход. Надеемся, читатель увидит личность Сухомлинова в несколько ином, не столь привычном свете. Представлять же его в виде абсолютно положительного персонажа было бы, разумеется, некорректно, однако проявить в его оценке немного терпимости будет не лишним.

Источниковую базу монографии составили архивные материалы, официальные документы (приказы, рапорты, циркуляры и статистические отчеты того времени), воспоминания, дневники, эпистолярное наследие современников эпохи, масса научных и литературных трудов, жизнеописаний и публикаций.

Следует отметить, что обширные материалы следственного дела генерала Сухомлинова, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА. Ф. 962. 195 ед. хр.), позволяют считать его личным архивным фондом бывшего министра²⁰. Много информации о боевой службе Сухомлинова периода Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было получено из фонда генерал-лейтенанта П.Н. Воронова (Ф. 253. 511 ед. хр.), в котором хранятся полевые книжки бывшего начальника штаба Западного отряда подполковника Сухомлинова²¹.

В свете сотой годовщины начала Первой мировой войны сотрудниками РГВИА была опубликована подборка наиболее важных документов, связанных с бывшим военным министром: дневник и подробная переписка с супругой, а также материалы, относящиеся к делу В.А. Сухомлинова и судебному производству²². Ценные данные, представленные в сборнике, также использовались в работе с соответствующим указанием на них в справочно-ссылочном аппарате.

В книге мы часто будем обращаться к обширным мемуарам рассматриваемой персоналии. В них субъективизм и амбициозность автора нередко проявляются при описании своей деятельности в качестве военного министра. Сухомлинов подбирает факты более тенденциозно, стараясь тем самым оправдать собственные ошибки, допущенные им во время пребывания во главе Военного министерства. Известно, что мемуаристика в своем подавляющем большинстве страдает невольными искажениями, так называемой «мечтательной ложью», когда в памяти автора «затуманивается далекое прошлое, и желаемое выдается за действительность»²³. Учитывая данный факт, мы использовали рассматриваемый источник, подвергая его критическому анализу, а также сопоставлению с другими видами исторических материалов.

Завершая введение, считаем необходимым сделать следующие пояснения: до 1 марта 1918 г. все даты указаны по старому стилю; цитируемые источники сохраняют авторскую орфографию и пунктуацию, лишь в случаях, затемняющих смысл высказывания, или при явных опечатках вносились отдельные орфографические и пунктуационные правки.

Глава 1

Начало карьеры

Детство и юность

4 августа 1848 г. в семье Александра Павловича Сухомлинова и Ольги Ивановны Лунской родился первый из трех детей – Владимир. Семья жила в небольшом уездном городке Тельши Ковенской губернии, присоединенном к России лишь после раздела Польши в 1795 г. и находившемся недалеко от прусской границы²⁴. Их род происходил из обедневшего православного малорусского дворянского рода *Сухомлинов*, который переселился в XVIII в. в Симбирскую губернию и превратился там в *Сухомлиновых*. Отец будущего министра служил в Лейб-Бородинском пехотном полку, затем перешел на гражданскую службу и дослужился до надворного советника. Сначала он был земским исправником Тельшевского уезда Ковенской, а затем Белостокского уезда Гродненской губерний. В Тельшах Александр Павлович и женился на дочери белорусского дворянина Лунского – Ольге Ивановне.

Несмотря на более чем скромное происхождение, дети уездного начальника получили неплохое домашнее образование. Они хорошо овладели иностранными языками: французским, польским, английским и практически в совершенстве немецким, так как в их доме всегда присутствовала бонна-немка²⁵. Родители не жалели и без того недостающих средств, чтобы подготовить сыновей к будущей жизни, и даже не раз ездили за границу, что в то время было нелегким предприятием во всех отношениях.

Когда Владимир подросток, его и младшего брата Николая в 1861 г. зачислили в Александровский кадетский корпус в г. Вильно, но в нем дети проучились лишь до лета 1863 г.²⁶ Согласно реформе военно-учебных заведений, Александровский корпус был включен в число заведений, подлежащих упразднению. В это время территория бывшего Великого княжества Литовского была восстанием. Для его усмирения в Литву и Беларусь в срочном порядке перебрасывались войска из центральных губерний.

«Диктатором» Северо-Западного края был назначен М.Н. Муравьев, получивший широкие полномочия виленского генерал-губернатора (Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская губернии), в особом порядке ему были подчинены Витебская, Могилевская губернии и войска, в них расположенные²⁷. Его первый приказ по округу давал ясно понять, что «дерзкие крамольники скоро понесут заслуженную ими кару» и порядок в крае будет неминуемо восстановлен. Муравьев решительно и бескомпромиссно ответил на революционный террор репрессиями²⁸.

Именно эти процессы обусловили срочное расформирование кадетского корпуса, который содержался на средства дворян Виленской, Гродненской, Минской губерний и царства Польского. Основными причинами такого неожиданного закрытия (в начале июня сразу же после окончания экзаменов) явились симпатии восставшему населению, которые проявляли воспитанники корпуса, по большей части поляки. Вот как те события описывал Владимир Георгиевич фон Бооль – к тому времени офицер-преподаватель, а точнее, «учитель 3-го рода» 1-го кадетского корпуса:

«В пятницу вечером, совершенно неожиданно для служащих приезжает в Вильну помощник главного начальника военно-учебных заведений генерал-майор Никита Васильевич Корсаков и объявляет, что корпус немедленно закрывается, что через два дня, т. е. в понедельник, воспитанники должны быть на вокзале железной дороги для отправки в Петербург, что

видно по обмундированию: белье, книги, библиотека, аптека и кабинеты физической, химической и военные должны быть упакованы в ящики и отправлены в Петербург, а мебель должна быть продана теперь же. <...> По своем приезде в Петербург, воспитанники Александровского Виленского корпуса были разделены на три части: одну часть поместили в здание 1-го кадетского корпуса на Васильевском острове, а две остальные на Петербургской стороне в Павловском и во 2-м кадетских корпусах. Офицерам и ротным командирам, даже и семейным, отвели каждому по одной классной комнате. На этом биваке, почти без всякого дела, воспитанники упраздненного Виленского корпуса провели время до конца июля, когда их постепенно распределили по разным корпусам: меньшую часть оставили в Петербурге, а большую часть опять вывезли из Петербурга в разные губернские корпуса»²⁹.

В числе лучших 25 кадет, оставленных обучаться в столице, был и Владимир Сухомлинов, зачисленный в 1-й кадетский корпус, который с началом 1864/65 учебного года был преобразован в 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию.

Военная служба Сухомлинова началась 26 августа 1865 г., когда после успешной сдачи выпускных гимназийских экзаменов он был зачислен юнкером во 2-е военное Константиновское училище. Однако уже через несколько дней Владимира по его собственному желанию перевели в Николаевское кавалерийское училище. Это военно-учебное заведение начало свою историю 9 мая 1823 г., когда Александр I учредил в казармах лейб-гвардии Измайловского полка Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. С 1866 г. училище являлось элитным военным заведением по подготовке офицеров для кавалерийских войск русской армии. Сюда принимались молодые люди из сословий, не обязанных рекрутской повинностью: юноши не моложе 16 лет, унтер-офицеры и юнкера, состоящие на службе. Принятые юнкера оплачивали обучение в размере 400 рублей ежегодно. Для приема на учебу за казенный счет предоставлялось десять вакансий. В первую очередь они предоставлялись воспитанникам Пажеского корпуса. При их отсутствии или неполном выборе вакансий эти места предоставлялись лучшим по поведению воспитанникам военных гимназий или юнкерам военных училищ, желавшим и имевшим средства служить в кавалерии³⁰. Выпускниками училища были многие видные представители военной и культурной элиты России XIX – начала XX в. (М.Ю. Лермонтов, М.П. Мусоргский, А.В. Каульбарс, К. Маннергейм и др.). В отличие от Пажеского корпуса представителей знатных аристократических семейств среди питомцев училища было сравнительно мало.

Портупей-юнкер Сухомлинов окончил училище 17 июля 1867 г. и был выпущен на службу корнетом в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк³¹. Кстати, ровно через год сюда же распределили и младшего брата Николая.

В 1863 г. полк прибыл в Варшаву, где вошел в состав гвардейского отряда при особе наместника царства Польского, Е. И. В. великого князя Константина Николаевича. В польскую столицу были переведены «те гвардейские полки, которые по своим названиям и мундирам, напоминали прежние полки польской армии времен Великого Князя Константина Павловича»³². Эти части должны были стать надежной опорой и охраной наместника в ходе умирения восстания.

После замирения края общественная жизнь вошла в свою колею, но отголоски кровавых событий были еще свежи в памяти: «Поляки держались замкнуто, не сходясь с русскими, которые и в свой черед не выказывали особенной наклонности к сближению»³³. Российские офицеры ощущали некоторую недоброжелательность со стороны местного населения и стремились по возможности покинуть Варшаву.

Командирами полка в означенное время были генерал граф П.К. Крейц, а затем сменивший его в 1866 г. генерал князь И.Ф. Шаховский, продолживший труды своих предшественников: «...главнейшее внимание этого командира устремлено было на развитие в

своих офицерах тех кавалерийских способностей, которые дали такие блестящие результаты в современной прусской кавалерии: усиленные практические занятия разъездной и аванпостной службы, частые и совершенно внезапные, никем неожиданные тревоги, военные поездки, с целью все более и более втягивать людей и лошадей в привычку к быстрым и продолжительным передвижениям, полная ответственность частных начальников, до взводного командира включительно, за нравственное и военно-учебное состояние вверенных им частей, выработка в офицерах настоящего кавалерийского духа, самостоятельности, сметки и находчивости в командовании людьми в различные проблематические моменты военных обстоятельств, – вот что составляло главнейшую характеристику командирской деятельности князя Шаховского»³⁴. Судя по воспоминаниям Сухомлинова, не все было так радужно в полку, и служба в гарнизоне не очень соответствовала тому, чтобы молодежь относилась с особым усердием к своим обязанностям: «Положение корнета в эскадроне не соответствовало тому, чтобы молодые офицеры имели возможность совершенствоваться и своей службой приносить пользу. Вся служебная работа в совокупности выполнялась эскадронным командиром и вахмистром, вместе с унтер-офицером, но довольно часто даже одним вахмистром»³⁵.

По этим причинам после четырех лет службы в полку Сухомлинов решает продолжить свое образование и в возрасте 23 лет подает прошение о поступлении в Николаевскую академию Генерального штаба. Поступление проходило в два этапа: сначала письменные экзамены при штабах военных округов, а уже затем устные вступительные испытания непосредственно при академии в Санкт-Петербурге. На подготовку и сдачу вступительных экзаменов у офицеров, как правило, уходил год напряженного труда, причем процент отсева поступающих, даже на этапе предварительных испытаний, был очень велик³⁶. В мае 1871 г. Сухомлинова перевели в резервный эскадрон полка для подготовки и сдачи экзамена при корпусном штабе. 5 октября, «по выдержании» вступительных экзаменов в Санкт-Петербурге, молодого корнета зачисляют в списки академии³⁷. Оставив среди бывших сослуживцев о себе память как о достойном офицере и умелом кавалеристе, он и впоследствии, возглавляя военное министерство, не забывал истоков своей службы.

Обучение в академии состояло из трехлетнего цикла: двухгодичный основной курс (теоретический и практический) и дополнительный шестимесячный курс (для окончивших основной курс по 1-му и 2-му разрядам), предназначавшийся для привития офицерам практических навыков службы в Генеральном штабе. Курс был учрежден с 1869 г. и первоначально длился шесть месяцев³⁸. До 1897 г. к Генеральному штабу причисляли всех офицеров, окончивших дополнительный курс, и лишь позднее стали отбирать лучших.

В то время академию возглавлял генерал-майор А.Л. Леонтьев. В официальных источниках время пребывания Леонтьева на этом посту оценивается как время расцвета военноучебного заведения. На общем отделении академии главными предметами были тактика, стратегия, военная история, военная администрация, военная статистика, геодезия с картографией, съемкой и черчением, а вспомогательными – русский язык, сведения по артиллерийской и инженерной части, международное право и иностранные языки. Окончание академии предполагало стремительную военную карьеру.

Годы учебы были серьезным испытанием для слушателей академии, учебный курс которой был достаточно труден, а программа, по мнению многих выпускников, перегружена. Несмотря на это, Сухомлинов подошел к обучению со всей ответственностью. Однажды он даже потерял сознание прямо на сдаче экзамена вследствие сильнейшего переутомления и от того, что всю ночь пришлось заниматься при керосиновой лампе, сильно нагревшей ему голову. Экзамен был успешно сдан, однако «воспаление мозговых оболочек», полученное Сухомлиновым во время прохождения академического курса, сильно отразилось на укладе его жизни. Он всегда рано вставал и рано садился за работу, ложиться любил также рано, совершенно не

умея работать по вечерам. По отзывам современников, эти привычки проявлялись у него на протяжении всей длительной службы³⁹.

По мнению многих выпускников академии, дополнительный курс являлся самым сложным в программе обучения. Таким же «сплошным экзаменом» он стал и для Владимира Александровича, к тому времени произведенного в поручики. Допущенные до этого курса офицеры должны были выполнить три самостоятельные работы (темы): по военной истории, по военному искусству и по стратегии. На первую военно-историческую тему Сухомлинову досталась «Английская экспедиция в Абиссинию в 1867 году». На вторую – «Сравнение организаций продовольственных транспортов в армиях: русской, германской, австрийской и французской». Но наибольший интерес у выпускной комиссии вызвала третья работа по решению стратегического задания: «Вторжение нашей конницы в Германию для разрушения железных дорог». Эта, безусловно, оригинальная тема была основана на идее профессора академии, генерала Н.Н. Обручева.

Суть замысла базировалась на том факте, что Германия существенно опережала Россию в сроках мобилизации и развертывания армий. У России были гораздо большие территории, на которой осуществлялась мобилизация запасного строевого контингента, и гораздо меньшая плотность и пропускная способность железных дорог, по которым осуществлялась переброска мобилизованных людских ресурсов. Германия, таким образом, располагала существенным запасом времени, и вопрос был в том, чтобы успешно распорядиться этим временем для достижения окончательной победы в общей кампании.

План Обручева, который разрабатывал и анализировал Сухомлинов, должен был разрешить проблему отставания России от Германии по мобилизационным срокам. Предлагаемая авторитетным генералом система – крепости для прикрытия мобилизации и кавалерия по границам, укомплектованная по штатам военного времени, – исключала возможность проигрыша большого пограничного сражения и глубокого проникновения противника вглубь территории России⁴⁰.

Сухомлинов блестяще справился с заданием с учетом технических возможностей того времени: предварительное сосредоточение кавалерии у границы, мобилизация ее в 24 часа и немедленное нанесение ею ударов по вражеской территории. Эти кавалерийские рейды нанесли удары по немецким войскам, не успевшим отмотилизоваться, а русская армия приобретала недостающий запас времени для продолжения собственной мобилизации и развертывания⁴¹.

На экзамене присутствовали высокопоставленные представители русской армии, включая великого князя Николая Николаевича (старшего). Актуальность работы вызвала неподдельный интерес комиссии, и в первую очередь это было связано с политической обстановкой в Европе и многозначительным вопросом германо-австро-венгерского союза⁴². Генштабистам в принципе было положено решать любые гипотетические стратегические задачи, но вот было ли означенное беспокойство обоснованным уже в то время? Скорее всего, это было так. Генерал Обручев позднее свидетельствовал, что «опасность возродившейся Германии» осознавалась уже с 1873 г.⁴³ Именно с этого времени Россия готовилась к столкновению со своими западными соседями и при первой возможности строила свою борьбу на активном элементе. Дальнейшая благоразумная деятельность российских и германских политиков не позволила плану Обручева – Сухомлинова осуществиться на деле, но практическая реализация начальных шагов плана – переброска кавалерии к границам – все же осуществилась в 1882–1884 гг.

Сухомлинов окончил академию по 1-му разряду и «за успехи в науках» 1 апреля 1874 г. был произведен в штабс-ротмистры, а 5 апреля причислен к Генеральному штабу⁴⁴. Это было серьезное достижение, так как практика показывала, что даже успешно обучавшиеся в течение всех курсов офицеры могли не попасть в число избранных. Один из таких несчастливцев –

генерал А.И. Деникин – впоследствии вспоминал, как нехватка какой-нибудь маленькой дроби в выпускном балле могла самым негативным образом повлиять на дальнейшую судьбу выпускников: они «возвращались в строй с подавленной психикой, с печатью неудачника в глазах строевых офицеров и с совершенно туманными перспективами будущего»⁴⁵.

Существование обособленного корпуса офицеров Генерального штаба являлось одной из особенностей русской армии. Офицерам Генерального штаба была присвоена особая форма одежды, они пользовались правами на ускоренное чинопроизводство. Перед ними открывалась широкая дорога для службы не только по военному ведомству, но и на дипломатическом поприще, а также по ведомствам внутренних дел и даже народного просвещения. Офицеры-генштабисты несли службу в штабах отдельных бригад, дивизий (начальник штаба и старший адъютант), корпусов (начальник штаба, старший адъютант и офицер для поручений), крепостей (начальник штаба, старший адъютант и его помощник), военных округов, в штабах казачьих войск и в штабе Отдельного корпуса пограничной стражи, а также в центральных военных управлениях, занимались педагогической и военно-научной работой⁴⁶.

В октябре 1874 г. молодого штабс-ротмистра откомандировали в штаб 1-й гвардейской кавалерийской дивизии для исполнения должности адъютанта. В этом же году Сухомлинов познакомился с генерал-майором М.И. Драгомировым, который командовал 14-й пехотной дивизией в Бендерах, и своеобразные приемы его обучения создали славу Бендерского лагерного сбора. Драгомиров являлся крупным авторитетом в широких армейских кругах по вопросам воспитания войск. Он в теории и на практике доказывал приоритет в войне нравственного начала, требуя, чтобы внедрению новой техники предшествовало улучшение «человеческого материала»⁴⁷. Однажды Михаил Иванович выступал в доме великого князя Николая Николаевича (старшего) с сообщением о правилах обучения войск, принятых в лагере, и Сухомлинов изобразил карикатуру лектора на листе бумаги. Рисунок пошел по рядам и во время перерыва попал в руки самого Драгомирова, который пожелал непременно познакомиться с автором. «Одобряю, – улыбаясь, сказал Драгомиров представленному ему штабс-ротмистру, – его высочество вас хвалит. Вы ловко схватываете оригинальные черты. Не бросайте вашего искусства...»⁴⁸. Так стоялось знакомство, впоследствии переросшее в тесную дружбу, которое позволило Сухомлинову получить в лице Драгомирова авторитетного покровителя по службе.

25 октября 1874 г. Сухомлинов был произведен в капитаны, переведен в Генеральный штаб и назначен старшим адъютантом штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, которой командовал светлейший князь В.Д. Голицын. Затем Владимир Александрович воспользовался четырехмесячным отпуском, положенным после окончания академии. Он посвятил его ознакомлению с Европой. После возвращения в Петербург молодой офицер приступил к исполнению своих обязанностей, одновременно преподавая тактику в Николаевском кавалерийском училище.

Особым событием в жизни Владимира Александровича стали лагерные сборы войск под Красным Селом. 17 июня 1876 г. при исполнении служебных обязанностей он получил серьезное увечье. Участвуя с лейб-гвардии Конным полком в аванпостном учении у Шунгоровской мызы, Сухомлинов на полном скаку упал с лошади, которая перевалилась через голову кавалериста. Результатом явилось повреждение головы и перелом ключицы. О данном происшествии было разрешено сделать запись в послужном списке и вследствие ранения носить вместо каски фуражку⁴⁹.

Боевое крещение

К 1875 г. вновь обострилась ситуация на Балканском полуострове. В Боснии и Герцеговине, а затем и в Болгарии прошел ряд крупных антитурецких восстаний. Реакцией османского правительства стали кровавые расправы, которые турки учинили зависимым от них славянским народам.

Действия Порты вызвали крайнее возмущение в русском обществе. По инициативе России было проведено несколько конференций европейских держав по выработке предложений по урегулированию конфликта. Но Турция, ободренная поддержкой Англии, либо игнорировала эти предложения, либо отвечала на них отказом, срывая все попытки мирными средствами улучшить положение христиан.

Стремление балканских народов освободиться из-под турецкого владычества тесно переплелось с желанием каждой из великих мировых держав изменить положение на Балканском полуострове в свою пользу и не допустить усиления противников. Не была исключением и Российская империя, стремившаяся победной войной и созданием на берегах Черного моря формально независимых (однако на деле – зависимых от нее) государств обеспечить контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, открывавшими выход в Средиземное море. Следствием этого явилась война 1877–1878 гг. – одна из наиболее успешных в военном отношении войн России в XIX в.

Военные действия развернулись на двух направлениях: на Балканах и в Закавказье. Командующим основной русской армией был назначен великий князь Николай Николаевич (старший), а на Кавказе – великий князь Михаил Николаевич. Александр II лично приехал в армию, чтобы воодушевить войска и разделить с ними трудности боевой жизни «Крестового похода»⁵⁰.

В июне 1877 г. капитан Сухомлинов как офицер Генерального штаба был откомандирован на театр боевых действий в Бухарест. Необходимо подчеркнуть, что в ходе войны генштабисты занимали должности начальников штабов, старших адъютантов и офицеров для поручений. В сферу их обязанностей входило: ведение переписки (шифровка, расшифровка, доставка донесений) со штабом действующей армии, непосредственное планирование боевых действий, проведение рекогносцировок. Последние заключались в определении сил противника, их расположения, численности, укреплений, разведки местности и осуществлялись либо небольшими отрядами, либо целыми подразделениями (разведка боем). Исполняя функции колонновожатых, офицеры Генерального штаба должны были выбирать пути движения и обеспечивать беспрепятственное прохождение колонн войск, следя в том числе и за обеспечением последних фуражом и довольствием, а также выбирать места для лагеря. Во время боя офицеры Генерального штаба часто использовали в качестве связных. Они также сами возглавляли отдельные отряды, принимая непосредственное участие в военных действиях⁵¹.

В ночь на 15 июня 1877 г. русские соединения форсировали Дунай и 25 июня заняли древнюю столицу Болгарии Тырново. Первоначально Сухомлинов занимался вопросами, связанными с организацией гражданского управления в этом городе, занимавшем важное стратегическое место в пункте пересечения нескольких дорог и до начала января 1878 г. составлявшем базу для всех операций российских войск в Средней Болгарии.

В освобожденных городах и районах создавалась добровольческая милиция, которая защищала местное население от кроваво-разбойничьих конных банд башибузуков и черкесов. До устройства болгарской милиции казаки 21-го Донского полка под управлением капитана Сухомлинова несли патрульную службу. Под его наблюдением были также выбраны участковые приставы и собран городской совет для ведения хозяйственных дел в Тырново.

Вскоре начались боевые действия, и Сухомлинов оказался в водовороте важнейших событий этой войны. По поручению великого князя Николая Николаевича (Старшего) он был направлен к командиру 8-го армейского корпуса генералу от инфантерии Ф.Ф. Радецкому, войска которого занимали Шипкинский перевал. Первым столкновением с противником, в котором участвовал капитан Сухомлинов, было отражение неприятельского нападения на деревню Зелено-Древо 20 августа 1877 г.

По поручению главнокомандующего с 12 сентября по 12 октября Сухомлинов принимал участие в рекогносцировках турецких укреплений под Плевной: совместно с полковником А.А. Фрезе составлял план осады крепости. 27 сентября он отличился во время рекогносцировки у Дольнего Дубняка на Софийском шоссе. После окончания работ в секторе противника разведчиков заметили и начали преследовать черкесы. Во время отступления Сухомлинов с конвоем из девяти гусар 9-го Киевского полка застал врасплох турецкий сторожевой пост и захватил в плен трех турецких пехотинцев⁵². Отряду удалось оторваться от преследователей и успешно переправиться на правый берег реки Вид, где им на помощь подоспел полуэскадрон гусар во главе с ротмистром Кареевым, товарищем Сухомлинова по Николаевскому кавалерийскому училищу.

В итоге главнокомандующему было доложено, что «не только задача по рекогносцировке была выполнена, но удалось раздобыть у противника в тылу так называемых „языков“, т. е. людей для допроса»⁵³. 24 января 1878 г. за это дело Сухомлинов был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» – одной из самых почетных наград за воинскую доблесть, а несколько позднее – за составление планов осады Плевны – румынским орденом.

14 октября Сухомлинов произведен в подполковники и практически сразу же был откомандирован в Ловче-Сельвинский, впоследствии Троянский отряд генерал-лейтенанта П.П. Карцова.

Временное воинское соединение – Ловче-Сельвинский отряд – насчитывал всего 6 тысяч человек, при 24 орудиях прикрывавших линию фронта между городами Ловчей и Сельвией. Отряд должен был отвлекать внимание турецкого командования от Шипки и Араб-Конака, а также служить связующим звеном между отрядами генералов И.В. Гурко и Ф.Ф. Радецкого. Его маневр был чисто демонстративным.

Как вспоминал генерал П.П. Карцов: «В один из октябрьских вечеров явился ко мне Генерального штаба подполковник Сухомлинов и передал, что Великий князь главнокомандующий желает, чтобы я занял Троянский и Розелитский перевалы...

– Так как вы передали мне волю главнокомандующего, то я на вас и возложу подробное расследование и изучение подъемов, отвечал я Сухомлинову»⁵⁴.

На участке между Шипкой и Орханией существовали проходы через горы на юг в виде троп, но сведения по расположению и проходимости данных направлений были недостаточными.

В течение ноября Сухомлинов подробно исследовал сначала Розелитский перевал, «поднимаясь по льду и скалам до самого перевала Мара-Гайдука, где разбил укрепление на 2 роты и ложементы для стрелков»⁵⁵. Затем, 14, 16 и 17 ноября, возглавив отряд разведчиков, выполнил подробные исследования обоих ведущих от Трояна подъемов, несмотря на опасность быть захваченным противником. «Со мною было 15 казаков и 20 человек солдат. На перевале нас встретили около 400 человек турецкой пехоты. Я сделал кроки всего перехода. Завтра иду на другой проход», – докладывал он Карцову⁵⁶.

В начале декабря Сухомлиновым были составлены и отосланы в полевой штаб карты и кроки⁵⁷ северного подъема Трояновых проходов в районе Карнаре, Карлово и Калафаре. Розелитский перевал, по его же данным, оказался не подходящим для этой операции.

Вскоре генерал П.П. Карцов получил из Главной квартиры депешу: «Великий князь просит приехать вас завтра, вместе с подполковником Сухомлиновым»⁵⁸. На совещании был озвучен план общего движения войск за Балканы. К этому времени турки расположились на южном склоне гор – Сулейман-паша находился справа, Вессель-паша в центре и Шакир-паша слева. Русский план заключался в том, чтобы сдерживать Сулейман-пашу и вести наступление на собственном правом фланге и в центре тремя колоннами. Гурко предстояло прорваться через перевал Араб-Конак к Софии, Карцову – через Троянский перевал, и Радецкому – через Шипку.

Карцов получил инструкции и приказания о переходе гор через Троянский перевал, который в зимнее время считался всеми военными авторитетами непроходимым⁵⁹.

Утром 20 декабря 1877 г. был издан приказ о переформировании Ловче-Сельвинского отряда в Троянский, в задачу которого входило перейти Балканы и энергичными демонстрациями содействовать переходу гор войсками генерал-лейтенанта Ф.Ф. Радецкого. Начальником штаба был назначен подполковник Генерального штаба Ю.А. Сосновский, подполковнику В.А. Сухомлинову предписано было состоять при начальнике отряда для поручений. «Жертвы необходимы, и если даже вы и все там погибнете, то и тем принесете громадную пользу для целой армии», – было сказано генералу Карцову и подполковникам Сосновскому и Сухомлинову при отправлении их к Троянскому перевалу⁶⁰. Настолько необходимы были командованию успешные действия относительно небольшого отряда в стратегическом плане. Ведь вся суть принятого в Главной квартире решения заключалась в стремлении осуществить переход такого количества сил, связанных единым замыслом, которого было бы достаточно, одновременным ударом ликвидировать Софийскую группировку Балканской армии Турции.

Перевал, который предстояло преодолеть русским войскам, местные жители предостерегающе называли «Деримагаре», что в переводе означало – «Гибель ослов». Самая высокая его часть представляет собой конусовидную скалу, которая тогда увенчивалась неприступными укреплениями и в зимние месяцы была постоянно окутана густым туманом. На высоту более полутора километров вели две дороги: от Троянского монастыря и из выжженного города Трояна.

По приказу начальника отряда Сухомлинов еще раз отправился осмотреть северный склон подъема, а также заехал в Успенский монастырь к архимандриту Макарию, не раз помогавшему при рекогносцировках. Там следовало распорядиться заготовкой провианта, выюков и воловых подвод для подъема орудий в горы, а также собрать болгарских четников для проложения пути и расчистки снежных заносов в предстоящем движении войск.

На основании всех собранных данных генерал Карцов разделил отряд на три эшелона и резерв: 1-му эшелону под начальством полковника Бородина приказывалось прибыть на перевал 23 декабря; 2-му под начальством флигель-адъютанта полковника графа Татищева подойти к перевалу 24 декабря; 3-му эшелону под командованием майора 9-го полка Духновского следовало присоединиться к основным силам 25 декабря 1877 г. Всего в горы направлялось 5300 человек; прочие войска Троянского отряда были оставлены небольшими гарнизонами по северную сторону Балкан⁶¹.

Естественно, что на первый ударный эшелон ложился центр тяжести всех событий перехода, поэтому он был разделен на три наступательные колонны. Согласно диспозиции, левую колонну, двигавшуюся из монастыря к вершине перевала, возглавил начальник штаба отряда подполковник Сосновский. Средняя колонна эшелона направлялась из Княжевецких хуторов на Текию под начальством полковника Бородина. И наконец, правой колонне под командованием Сухомлинова предстояло выдвинуться из деревни Шипково на Рахманлий.

Обходному отряду Сухомлинова, в состав которого вошли две роты и четыре казачьи сотни, предстояло кратчайшим путем пересечь Балканы. Если бы головной колонне удалось

взять неприятельские укрепления и спуститься по южному склону хребта к деревням Текия или Карнаре, сухомлиновский отряд должен был служить поддержкой, отрезав путь отступления турецких партий к Клиссуре. Между тем из докладов и рекогносцировок Владимира Александровича в штабе было известно, что данное направление зимой было совершенно непроходимо.

Исполняя приказ, 23 декабря Сухомлинов двинул свою колонну в горы практически вслепую, так как дороги и тропы, о существовании которых рассказывали болгары, были занесены снежной бурей. «Расстояние, которое болгары определяли в 2 часа, мы шли 6 часов кряду. Пролагая себе путь и оставляя массу отставших, я шел с отрядом, пока не выбился окончательно из сил...»⁶² Убедившись в невозможности выполнения поставленной задачи, с рассветом Сухомлинов выступил из Шипково на проход у Княжевецких хуторов, «который показался теперь настоящим шоссе», для соединения с основными силами Троянского отряда⁶³.

«Когда я явился Карцеву, тот бросился ко мне со слезами на глазах, – вспоминал Сухомлинов. – Он опасался, что я со своей колонной мог погибнуть»⁶⁴. И не без основания, ведь удайся переход колонне, она оказалась бы за Балканами в критическом положении: превосходящие силы противника сдавили бы ее с двух сторон – от Текии и Клиссуры⁶⁵.

По приказу генерал-лейтенанта Карцова Сухомлинов в качестве начальника штаба поступил в распоряжение графа Татищева, который временно возглавил командование над пятитысячным отрядом, собравшимся у перевала. «24 декабря я прибыл к графу Татищеву, – писал Сухомлинов, – и доложил о том, что начальник отряда просит полковника Сосновского спуститься к нему в Троян. Вид его поразил меня своей растерянностью. Из его лепета я понял одно: он смешал данные моей рекогносцировки. Надо было обходить правый фланг позиции неприятеля, а он с нашего правого фланга искал обход левого фланга турок. <...> После отъезда Сосновского... граф Татищев, со свойственной ему прямоотой, рассказал мне все то, что произошло так бестолково и в какую „калошу“ начальник штаба посадил отряд. Не могли убрать даже нескольких раненых, и турки, выйдя из укреплений, закалывали их»⁶⁶. Неудачная разведка боем стоила жизни двум офицерам, 18 нижних чинов оказались ранеными, кроме того, обморожения получили более 60 человек⁶⁷.

С мнением Сосновского, что противника выбить нельзя, граф не соглашался, решив штурмовать передовое турецкое укрепление, также называемое местным населением «Орлиное гнездо». Укрепление, венчавшее высшую точку перевала, состояло из основного редута и трех других, связанных между собой траншеями. Огневая оборона с этих позиций была сильной, кроме того, укрепление защищали отборные турецкие войска: четыре табора пехоты и подразделение гвардии султана во главе с Раффик-беем.

Не теряя времени, в десять часов утра Сухомлинов вместе с небольшой командой охотников и офицеров отправился для исследования турецкого укрепления и поиска обходного пути на Карнаре. Тропа была найдена, и «смельчаки, исследовав ее, к трем часам благополучно возвратились обратно»⁶⁸. Оказалось, что лобовым ударом выбить неприятеля практически невозможно, поэтому было принято решение захватить завалы на его правом фланге, так как, овладев этой частью укрепления, можно было спуститься в долину и выйти на путь отступления из «Орлиного гнезда».

Атака турецких перевальных позиций была назначена на 26 декабря 1877 г., для чего из основного отряда выделили две колонны. Правую – под командованием майора Духновского для атаки с фронта и левую колонну полковника Грекова для выполнения обходного маневра. Артиллерийскую поддержку надлежало выполнять двум девятифунтовым орудиям, которые удалось втащить на перевал после «неимоверных трехдневных усилий»⁶⁹. Только под первое орудие пришлось выделить, помимо артиллеристов, 48 буйволов, две полковые роты и 300

человек болгар. Тело орудия, лафет и колеса втаскивали отдельно на салазках, а снаряды люди несли в сильный мороз на руках⁷⁰.

В соответствии с планом атаки подполковник Сухомлинов во время утреннего штурма перевала провел обходную колонну в составе 1-го батальона Староингерманландского, стрелковой роты Новоингерманландского полков, 10-го стрелкового батальона и четырех сотен 30-го Казачьего полка под командованием полковника М.И. Грекова. Почти вплотную приблизившись к турецким укреплениям, войска левой колонны ударили в штыки по правому флангу неприятельской позиции и выбили оттуда турок. Этим воспользовались и перешли в активное наступление войска майора Духновского – умело применяя перебежки, они с небольшими потерями приблизились к главному турецкому редуту с фронта.

Обходная колонна начала спуск в долину, а Сухомлинов вернулся на артиллерийскую позицию к графу Татищеву. Вскоре к перевалу прибыл генерал Карцов со штабом, и «все эти лица уже начали было совещаться – что предпринять далее, как вдруг вокруг вышки люнета, которую облепили наши солдаты, словно рой пчел, раздалось общим кличем победное „ура!“»⁷¹.

Оказалось, что батальон пехоты, выделенный из обходной колонны, прорвался в глубокий тыл редута. Увидев целый батальон у себя в тылу, турки дрогнули; этим воспользовались войска правой колонны, бросились в штыки и частью перекололи турецкий гарнизон, частью отбросили его на юг⁷². Уцелевшие защитники позиции бросились бежать по дорогам на Карнаре и Текию.

За отступающим противником понеслись четыре резервные сотни полковника Грекова: «Долина Тунджи огласилась казачьим гиком, который далеко, далеко откликнулся по горным ущельям. Осталось немало тел неприятельских, положенных почти исключительно страшными ударами пик. Бывали случаи, что когда казак на скаку колот с наклоном пики вниз, то нередко сломавшаяся при таком ударе пика оставалась в трупe, как бы пригвождая его к земле; были удары в лицо, пробивавшие насквозь затылок»⁷³.

В результате сражения были захвачены турецкие орудия, знамя, а также пленен командир табора с 40 нижними чинами, подошедшими к «Орлиному гнезду» на помощь Рафффик-бею от деревни Карлово.

За отменную храбрость, «оказанную при переходе 25 декабря 1877 года через Троянский перевал», Сухомлинов 31 января 1878 г. был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени из рук самого великого князя Николая Николаевича (старшего) в Адрианополе, а 2 мая – за рекогносцировки Балканских проходов – орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами.

Следует заключить, что действия Троянского отряда хоть и не были масштабными, но переход через Балканы на этом участке в зимних условиях можно отнести к одной из наиболее хорошо подготовленных и проведенных операций. А ее руководители показали блестящий пример владения тактикой горной войны. Недаром на рапорте начальника Троянского отряда Главнокомандующему имеется отметка императора: «*Молодецкое дело!*»

Боевой опыт подполковника Сухомлинова был высоко оценен командованием, и в начале января 1878 г. он был назначен начальником штаба передового кавалерийского отряда генерал-лейтенанта Д.И. Скобелева – отца Белого генерала. В этой должности он участвовал в движении к городу Филиппополю, преследовании армии Сулейман-паши⁷⁴ и движении на Адрианополь. Следует выделить боестолкновения при деревне Караджилар 7 и 8 января, за участие в которых Сухомлинов был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами. Тогда кавалерией Скобелева, настигнувшей арьергард Сулейман-паши, был отбит целый артиллерийский парк – 54 орудия крупновского изготовления, обозы с патронами и снарядами, а также захвачена масса пленных⁷⁵.

Сражение у Филиппополя поставило точку в разгроме 100-таборной армии Сулейман-паши. Эта победа оказалась значимой прежде всего в стратегическом плане, открыв дорогу на Константинополь.

Для преследования дезорганизованных турецких войск были отправлены два конных отряда под командованием генералов Черевина и Чернозубова. По приказу генерала от кавалерии Гурко 16 января подполковник Сухомлинов был откомандирован из Адрианополя в отряд генерал-майора Г.Ф. Чернозубова (9-й драгунский Казанский, Донской казачий № 30 полки и взвод Донской № 19 батареи) в качестве начальника штаба. Не без труда разыскав отряд и присоединившись к нему 21 января 1878 г. в деревне Сарпыдж, Сухомлинов предложил отправить конные орудия под конвоем драгун в Адрианополь и с рассветом выдвинуться в горы, чтобы восстановить потерянное соприкосновение с противником.

По десятиверстной русской карте и с помощью местных проводников начальнику штаба удалось провести отряд, прорезав, таким образом, с севера на юг Родопские горы. Спуск проходил сквозь ущелье и город Гюмюрджин, расположившийся вблизи Эгейского моря⁷⁶. К этому времени город был занят отходящей турецкой пехотой. В окрестностях и в соседнем порту Кара-Агач находилось до 10 тысяч турецких войск и частично вооруженного мусульманского населения. «При таких условиях отряд наш был слишком слаб, чтобы брать открытой силой довольно крупный город, раскинувшийся на плоском морском побережье, — отмечал Сухомлинов. — Взять его можно было только с налета, и для этого необходимо было, чтобы о численности нашего отряда в Гюмюрджине не знали. Поэтому, закрыв выход из гор, мы никого уже в город не пускали до занятия его нами»⁷⁷.

25 января 1878 г. Сухомлинову удалось хитростью занять город. По предложению начальника штаба отряд был остановлен генералом Чернозубовым при выходе из ущелья, за холмом, заслонявшим Гюмюрджин. Сухомлинов с небольшим конвоем из трех казаков и трубачом-переводчиком отправился к местному каймакаму (в Турции титул правителя округа), как представитель начальника «больших русских сил» головная колонна которых остановлена, чтобы избежать тяжелых последствий для населения. Командир 30-го Казачьего полка полковник Греков вспоминал: «Стоим себе да ожидаем, вдруг глядь-поглядь — что за суматоха поднялась в городе, скачка на лошадях какая-то, даже выстрелы. Думаю себе: „Ну, попался бедный Сухомлинов! Что как ему плохо теперь приходится? Вперед идти бы, на выручку“. Генерал, видя в городе это необыкновенное движение, приказал на всякий случай посмотреть винтовки, — как бы, часом, не пришлось еще подрагаться и близ моря. Но вот скачет от Сухомлинова казак с запиской, в которой тот приглашает отряд вступать в город»⁷⁸.

Как оказалось, войдя в город, наш разъезд быстрой рысью направился прямо в конак (правительственное здание у турок). Стоявшая во дворе пехота до 50 человек и около 20 конных драгун султанской гвардии растерялись от внезапного появления такой делегации. Караул поспешно стал в ружье, но не проявил никаких враждебных намерений, — напротив, даже отдал «воинскую почесть»⁷⁹.

При встрече с представителями городского совета и командиром турецкого батальона Сухомлинов предъявил ультиматум последнему: «Я просил передать ему, что война приходит к концу и от него зависит теперь сохранение этого города в целости. Пусть его батальон сложит свое оружие в цейхгауз, поставит своих часовых. Мы введем тогда в город только отряд конницы. За порядок ручаемся и, наверное, долго оставаться здесь не будем»⁸⁰.

Городские власти, пораженные неожиданным появлением русского офицера, беспрекословно согласились с выдвигаемыми условиями, а партия турецких всадников тотчас же выехала со двора конака в Кара-Агач⁸¹. Вскоре сводный отряд, встреченный самим каймаком, полковником турецкой службы и архиереем греческим Иеронимом, под звуки хора трубачей шел по улицам Гюмюрджина.

Расквартировавшись, Сухомлинов отправился на местную телеграфную станцию и взял под контроль всю корреспонденцию. До глубокой ночи он пытался связаться с вышестоящим командованием, так как от турецкой стороны непрерывно сообщалось о заключении перемирия обеими воюющими сторонами. Однако, так и не получив достоверной информации о перемирии, Сухомлинов опечатал телеграф, прервав все сообщения. На станции был поставлен часовой и приняты меры по охране и разведке.

В десять часов утра станцию снова включили, и была получена телеграмма через Галлиполи и Константинополь от генерала Шнитникова из Чорлу о перемирии. Телеграмма хоть и успокоила начальника штаба, но все-таки не являлась прямым приказанием, и к тому же трудно было ее проверить, так как она была передана на турецком языке с переводом на французский, сделанным уже на местной станции. Все это вызывало сомнения.

К часу дня на аванпосты прибыл неизвестный турецкий генерал со своим конвоем. Подполковник Сухомлинов встретил его в конаке, причем приехавший отрекомендовался как Скендер-паша⁸² и с гордым видом объявил, что русский отряд окружен. Этот курьезный диалог описал в своей статье участник той войны и известный писатель В.В. Крестовский:

«– Вы знаете, что вы окружены?»

– Не знаю, ваше превосходительство, окружены ли мы, – отвечал ему совершенно спокойно Сухомлинов, – но что вы мой военнопленный – это я вижу, так как у вас конвоя всего несколько человек, среди большого русского отряда.

Паша понял неуместность своей выходки и сразу переменил тон...

Вчерашний день – как объяснил он, – двадцать гвардейских драгун, усакавших со двора конака, вскоре по прибытии русского офицера явились в карагачский лагерь к начальнику одного Савфет-паше и объявили, что они хотели было убить приехавшего офицера (Сухомлинова), но чауш (урядник) решил, что если и убьешь одного, то на место его, все равно, явятся несколько других, а лучше скакать скорее в лагерь и дать знать начальству.

Сухомлинов попросил объяснить цель его приезда.

– Помилуйте, – заволновался вдруг паша, – перемирие заключено, а вы между тем занимаете наш город!

– Мы о перемирии ничего не знаем, так как уже давно идем горами, где телеграф не может за нами следовать, – отвечал Сухомлинов, – город же мы заняли в силу данных нам инструкций, а потому до получения официального извещения о перемирии и приказа Главного командующего об очистке Гюмурджины мы ее не очистим.

– Но. мне приказано занять этот город.

– Прекрасно. В таком случае – попробуйте; мы – к вашим услугам.

В ответ на это Скендер только выпучил большие, опасливо-недоумевающие глаза...»⁸³

Генерал Чернозубов поручил Сухомлинову составить ответное письмо соответственно по-русски – «пускай разбирают, как знают!». Однако в это же самое время прибыл Бугского уланского полка корнет Бакунин с распоряжением штаба Западного отряда о прекращении военных действий с указанием демаркационной линии. В соответствии с данными пакета № 6163 генералу Г.Ф. Чернозубову было предписано отвести отряд в долину реки Арды, расположив свой штаб в Местанлы; по условию перемирия Гюмурджин оставался за турками.

Утром 27 января отряд выступил из города, а Владимир Александрович был отослан начальником отряда для доклада обо всех обстоятельствах набега генерал-адъютанту Гурко и великому князю главнокомандующему. 19 февраля 1878 г. подполковник Сухомлинов был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом за занятие Гюмурджина.

После взятия русскими войсками Адрианополя последней боевой задачей В.А. Сухомлинова стала рекогносцировка путей на Сан-Стефано, которую он проводил с 7 по 12 февраля по указанию генерал-майора К.В. Левицкого. Именно в местечке Сан-Стефано, расположен-

ном в 13 километрах от столицы султанской Турции, 19 февраля 1878 г. был подписан мирный прелиминарный договор⁸⁴. На карте Европы появилось новое, Болгарское государство, а Сербия и Румыния были признаны независимыми княжествами. Позднее Сан-Стефанский мирный договор был пересмотрен Берлинским конгрессом, окончившимся, к сожалению, полным фиаско российской дипломатии.

По инициативе России в Болгарии была введена всеобщая воинская повинность и образовано Земское войско. Остались служить в болгарской армии в качестве инструкторов и для занятия высших военных должностей 394 русских офицера, из них 36 болгарского происхождения, а русских нижних чинов – 2700. Во главе вооруженной силы княжества и первого болгарского министерства был поставлен русский генерал в звании министра⁸⁵.

После заключения перемирия Сухомлинов несколько раз посещал Константинополь, но уже в штатском. (Чтобы успокоить Англию насчет проливов, министр иностранных дел А.М. Горчаков объявил, что Россия не займет Константинополя и не введет своих войск на расположенный у Дарданелл полуостров Галлиполи.) Во время одной из таких поездок он заразился черной оспой и в апреле 1878 г. на санитарном пароходе «Буг» был отправлен в Россию.

Как видно, В.А. Сухомлинов достойно прошел войну молодым офицером Генерального штаба. Военный писатель генерал-майор В.Е. Борисов, характеризуя генштабистов, писал: «Офицер Генерального штаба есть специалист в стратегическом искусстве, в полководчестве и поэтому нужен только там, где требуется применение этого искусства, в котором офицер Генерального штаба должен быть исключительным специалистом, ибо он изучает это искусство теоретически, он в нем исключительно практикуется в мирное время, подготавливаясь к войне»⁸⁶.

Генерал Н.Н. Обручев как-то справедливо заметил, что во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал, отдавая приказ офицеру со значком Николаевской академии, имел больше оснований надеяться на то, что приказ будет успешно выполнен⁸⁷. Можно утверждать, что успехи и неудачи российской армии во многом зависели от качества работы генштабистов, являвшихся элитой российского офицерского корпуса. На них возлагалась одна из важнейших функций – военное руководство и планирование. И здесь подполковник Сухомлинов выступает как пример деятельности офицеров Генерального штаба низшего звена (то есть состоявших при штабах частей или возглавлявших их).

Чего только стоит впечатляющий боевой тысячекилометровый маршрут, пройденный Сухомлиновым с 20 декабря 1877 г. по 30 января 1878 г.: из Богота в Ловчу, Траян, Шипково на Рахманлы; обратно в Траян, Княжевецкие Колибы (хутора), Текию, Карнаре, Карлово, Калофер, Казанлык; обратно в Карлово, Филиппополь, Караагадж, Паша-Магала, Кетенлык, Караджиляр, Станимак; обратно в Филиппополь, Германлы, Адрианополи, Хаской, Габрово, Местанлы, Гюмюрджин, Деде-Агач, Суфлу, Демотику, Адрианополи. За это время он успел поучаствовать: 26 декабря в штурме Троянского перевала, 5 января в боях под Караагаджем, 7 и 8 под Караджиляром, и около 120 километров прошел в партизанском отряде с боем, горами. Причем из этого сложного пути только 100 километров Сухомлинов преодолел по железной дороге, а все остальные – верхом.

В военную кампанию проходит новый этап его самообразования, где военная теория оказалась максимально сопряжена с практикой. За усердие в выполнении поставленных задач и грамотное использование военных знаний его ценили, и он был востребован.

Командир 30-го Казачьего полка М.И. Греков, встретивший Сухомлинова 26 декабря 1877 г. у подножия Троянского перевала, впоследствии так охарактеризовал молодого офицера: «Здесь в первый раз я познакомился с Владимиром Александровичем, с которым после не расставался, и даже одно время жили мы вместе. Отличный офицер, смелый в делах и неутомимый наездник, но самое главное в нем то, что, несмотря на свои теоретические познания,

он всегда принимал к сведению и соображению советы и мнения других, познания которых основаны на практике, мы все его очень любили и уважали»⁸⁸.

Схожую оценку давал и бывший начальник Ловче-Сельвин-ского и Троянского отрядов генерал П.П. Карцов: «При первом свидании с этим штаб-офицером я понял, с кем имею дело, и не ошибся: в течение 3-х месяцев, которые он оставался при мне, я мог только удивляться его такту и усердию. В продолжение всей моей многолетней службы я не встречал офицера Генерального штаба более способного, полезного и приятного для войск и их начальников»⁸⁹.

В воспоминаниях генерала Карцова есть еще один штрих, касающийся способностей Сухомлинова. Он описывает случай, когда в один из дней в отряд заехал командир Гренадерского корпуса. Тому срочно понадобилось послать депешу, и он стал диктовать ее содержание одному из адъютантов. Генерал, однако, никак не мог ясно сформулировать мысль и ругался на адъютанта. «Раза три, – рассказывает Карцов, – писалась и переписывалась депеша, наконец, находившийся при мне подполковник Сухомлинов, под видом желания дать писавшему время напиться чаю, предложил заменить его и умел сразу угодить корпусному командиру»⁹⁰. По мнению В.А. Апушкина, этот эпизод якобы дает читателю ключ к пониманию Сухомлинова в будущем. Что уже в ту пору, в начале своей карьеры, он проявил способность угодить, быть приятным для войск и их начальников⁹¹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.